

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788025010046

Субстантивация в русском языке: виды, инструменты, пределы

© 2025 г. Б. Ю. Норман

Доктор филологических наук,
профессор, независимый исследователь,
Беларусь, 2200020, Минск, ул. Л. Украинки, д. 4, кв. 16
ORCID ID: 0000-0001-8520-5387
boris.norman@gmail.com

Резюме. Субстантивация — один из распространенных видов транспозиции, т.е. употребления слова в чужой, не свойственной ему синтаксической роли. Статья анализирует 5 подтипов субстантивации в современном русском языке. Они иллюстрируются примерами из русской художественной литературы, от А. Блока и И. Бунина до В. Токаревой и Н. Коляды. Показано, что все эти случаи мотивированы определенными механизмами внутренней речи, среди которых выделяются: а) конверсия, б) компрессия, в) универбация, г) эллипсис, д) цитация. Выделены 3 основных инструмента (формальных средства) субстантивации. Это: незаполненная валентность глагола; сочетаемость с предлогом; возможность определения прилагательным или местоимением. Впервые говорится о психолингвистическом аспекте субстантивации. Отмечена стилистическая роль некоторых подтипов субстантиватов (их экспрессивная окраска).

Ключевые слова: субстантивация, транспозиция, предметность, субстантиват, адъектив, адverb, голофраза, части речи

Для цитирования: Норман Б.Ю. Субстантивация в русском языке: виды, инструменты, пределы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. Т. 84. № 1. С. 44–52. DOI: 10.31857/S1605788025010046

Substantivization in Russian: Types, Tools, Limits

© 2025 Boris J. Norman

Doct. Sci. (Philol.),
Professor, Independent Researcher,
4 L. Ukraini Str., apt. 16, Minsk, 220020, Belarus
ORCID ID: 0000-0001-8520-5387
boris.norman@gmail.com

Abstract. Substantivization is one of the most common types of transposition, i.e. the using of a word in a strange syntactic role not peculiar to it. The article analyzes 5 subtypes of substantivization in modern Russian. They are illustrated by examples from Russian fiction, from A. Blok and I. Bunin to V. Tokareva and N. Kolyada. It is shown that all these cases are motivated by certain mechanisms of inner speech, among which are: a) conversion, b) compression, c) univerbation, d) ellipsis, e) citation. Three main tools (formal means) of substantivization have been identified. These are: unfilled valency of the verb; compatibility with a preposition; the possibility of definition by an adjective or a pronoun. For the first time, the psycholinguistic aspect of substantivization is discussed. The stylistic role of some subtypes of substantivized word (their expressive coloring) is noted.

Keywords: substantivization, transposition, objectivity, substantivized word, adjective, adverb, holophrase, parts of speech

For citation: Norman, B.J. *Substantivaciya v russkom yazyke: vidy, instrumenty, predely* [Substantivization in Russian: Types, Tools, Limits]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of

the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2025, Vol. 84, No. 1, pp. 44–52.
(In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788025010046

0. Введение

Субстантивация — типичный пример переходных явлений в языковой системе — транспозиции, или конверсии. О. Есперсен, размышляя об основаниях, необходимых для выделения частей речи, и о случаях перехода слова из одного лексико-грамматического разряда в другой, замечал, что «это можно установить на основе формальных критериев, притом различных в различных языках» [1, с. 88]. Основанием для такого вывода ученого являлись наблюдения над функционированием существительных и прилагательных в английском языке. В данном случае мы обратимся к материалу современного русского языка.

1. Отадъективные субстантиваты

Энциклопедия «Русский язык» определяет субстантивацию как вид транспозиции: это «переход в класс существительных слов, принадлежащих к другим частям речи» [2, с. 751]. Классический пример субстантивации в русском языке — превращение прилагательных (а также причастий и порядковых числительных) в существительные. Таких примеров — отадъективных субстантиватов — великое множество. По сути, в этих случаях происходит универбация, потому что определительное словосочетание заменяется однословной номинацией (бывшим определением), и это слово, приобретающее функции существительного, и является субстантиватом. При этом последний, как известно, сохраняет род существительного, которое он изначально определял: *проездной* (из *проездной билет*), *больничный* (из *больничный листок*), *учительская* (из *учительская комната*), *горячее* (из *горячее блюдо*), *суточные* (из *суточные выплаты*), *струнные* (из *струнные инструменты*) и т.п. Тем самым, категория рода у отадъективных субстантиватов превращается из согласовательной в постоянную, классификационную (как у всех существительных), а словоизменительная их парадигма сохраняет черты прилагательного, ср.: *Лучшее — враг хорошего; Всем хороши́м во мне я обязан книгам* (М. Горький). Данному типу субстантивации в русском языке посвящено довольно много работ (см. [3]–[8] и др.).

Преимущества адъективного субстантивата перед определительным словосочетанием — это, во-первых, его лаконизм, во-вторых, сохраняющаяся на какое-то время словообразовательная экспрессия, а в-третьих, как мы увидим далее,

некоторая свобода его толкования, важная в коммуникативном плане. В качестве материальных (производящих) основ для субстантиватов могут выступать в равной мере как качественные, так и относительные прилагательные, хотя механизм семантического переноса в этих двух случаях несколько различается: во втором случае в процесс вмешивается семантика производящего существительного, ср.: [9, с. 60].

Особо следует сказать о субстантивации **прилагательных в среднем роде** со значением отвлеченного (обобщающего) признака: *новое в литературе, самое удивительное, светлое будущее*. Прокомментируем и известный литературный пример: *Сейте разумное, доброе, вечное* (Н.А. Некрасов. Сеятелям) — это значит: ‘сейте всё, что является разумным, добрым, вечным’. Данный разряд субстантиватов принципиально незакрыт и при необходимости легко пополняется в речи. Это мы можем проиллюстрировать цитатами из литературных источников. Но примеры заставляют нас задуматься о производящих основах таких субстантиватов. Сравним:

Однажды таким образом была обнаружена бутылка яичного ликера «Адвокат». Пить желтое густое никто не захотел, и тогда один будущий химик предложил сварить ликер в кастрюльке с целью отделения желанного спиртуоза от яичной дряни (А. Макаревич. Занимательная наркология).

Выскоблю ножом лишнее, выщиплю по волоску в нерабочее время, после уроков, по ночам, до самого рассвета, черт подери! И вот наконец мягкое, лоснящееся, переливающееся, ароматное, черное, тускловатое развешу по комнате в преддверье ножниц и иглы (Б. Окуджава. Искусство кройки и шитья).

Михаил Августович, про которого я ничего не знаю и теперь уже никогда, никогда не узнаю, — кроме того, что он закопал непонятное железное в саду, спрятал ненужное тряпичное на чердаке, укрыл недопустимое, невозвратимое под обоями спальни (Т. Толстая. Изюм).

Понимание первой цитаты не вызывает никаких разночтений: *желтое густое* — это перифрастическое наименование ликера: он упомянут в предыдущем предложении. Во второй цитате длинный ряд субстантиватов требует обращения к широкому контексту: только он позволяет понять, что речь идет о тонкой, нежной выделанной коже (субстантиват *лишнее* к этому ряду не относится, это слово с отвлеченной семантикой ‘всё лишнее’). Что же касается выделенных слов в примере из рассказа Т. Толстой, то здесь реципиенту

придется проявить фантазию. Возможно, *непонятное железное* — это «оружие», *ненужное тряпичное* — «предметы одежды», *недопустимое, невозвратимое* — «какие-то документы» и т.п. У читателя появляется некоторая доля свободы в трактовке текста. Иными словами, в процедуре «вспоминания» или «домысливания» кроется дополнительный креативный момент: читатель должен почувствовать себя в какой-то мере соавтором. Данный психолингвистический аспект не стоит сбрасывать со счетов при оценке класса субстантиватов.

Понятно, что в процессе субстантивации языковое сознание проделывает определенную таксономическую работу: то, что ранее было признаком, принимает на себя предметную функцию, а название соответствующего предмета «встраивается» в семантику субстантивата. Это совершенно очевидно в примерах устойчивых номинаций (*проездной, больничный, учительская* и т.д.). Однако наряду с такими кодифицированными номинациями, фиксируемыми словарями, в речи встречается большое количество разовых универбатов, привязанных к конкретному контексту. И любой такой отадъективный субстантиват (не только среднего рода и не только с обобщенным значением) требует от читателя обращения либо к синтагматическому контексту, либо к понятийной парадигме: что бы это слово могло обозначать, к какому лексико-семантическому классу принадлежит? Покажем это еще на двух примерах.

А когда он их открыл, увидел, что все кончилось, мамино растворилось, клетчатый исчез, а заодно и тупая игла выскочила из сердца (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

*Вот проходит она — вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице...*
(А. Блок. Венеция)

При восприятии словоформы *клетчатый* в цитате из М. Булгакова сознание читателя идет по синтагматическому пути: оно легко реконструирует уже упоминавшуюся в тексте романа номинацию *длинный гражданин в клетчатом пиджаке*. А в строках из стихотворения А. Блока субстантиват *узорное* требует от реципиента некоторой мыслительной работы: возможно, *узорное* появилось как результат универбации словосочетания *узорное платье*. Но узорным может быть также *одеяние, облачение, наряд, накидка* и т.п. — и всё это явления одного порядка, одной лексико-семантической парадигмы: названий одежды.

Здесь следует остановиться на соотношении диахронического и синхронического аспектов субстантивации. Сама по себе модель отадъективной субстантивации уже заложена в системе русского языка, и огромное количество слов легализовано, кодифицировано в качестве словарных единиц: *выходной, рабочий, прохожий, дорогой* (обращение), *кривая, кладовая, млекопитающие, месячные* и т.д. Другие образования (прежде всего среднего рода) употребляются в текстах на правах потенциальных слов: *узорное, высокое, низкое, сладкое, мучное...* — это явления синхронической природы. Наконец, третьи единицы появляются как окказионализмы, и, возможно, судьба их на этом и закончится. Но в конкретном контексте их роль немаловажна. Дело в том, что в грамматике говорящего, в процессе порождения текста, универбация атрибутивного словосочетания может оказаться выходом из затруднительного речевого положения. Показательный пример:

Я в первый раз в жизни смотрю спектакль, днем. Как мне сказала впоследствии мама, это «Гамлет». На сцене не ходит человек в короне и в длинной одежде и кричит: «О духи, духи!» Это я запомнил сам. А с маминых слов я знаю следующее. После спектакля я вежливо попрощался со всеми: со стульями, со сценой, с публикой. Потом подошел к афише. Как называется это явление — не знал. Но, подумав, поклонился и сказал: «Прощай, писаная» (Е. Шварц. Страницы дневника).

Мальчик не знает слова *афиша*, но, создав у себя в голове нечто вроде определительной синтагмы «*писаная* (картина, вывеска, икона...)», он решает воплотить ее в окказиональный субстантиват *писаная*: этого достаточно.

Таким образом, на примере отадъективных субстантиватов мы можем, с одной стороны, наблюдать действие продуктивной словообразовательной модели (включающей в себя универбацию и семантическую конденсацию). С другой стороны, адъективная субстантивация проливает некоторый свет на процессы речепорождения и речевосприятия, на путь от смысла к тексту и обратно. В частности, употребление субстантивата нередко предлагает реципиенту восстановить производящую основу.

Естественно, возникает вопрос: не боится ли говорящий, что адресат (в том числе читатель) в ходе своей «восстановительной» семантизации исказит или утратит какую-то часть исходного смысла? По-видимому, нет. Ибо, с одной стороны, передаваемый смысл характеризуется достаточной степенью аппроксимации (приблизительности, нестрогости). А, с другой стороны, использование субстантивата предполагает значительную

меру речевой эмпатии, предрасположенности собеседника. Это «речевое доверие» базируется прежде всего на общем опыте участников речевого акта.

2. Субстантиваты, производные от адverbов

На втором месте по частоте и степени кодифицированности типов субстантивации в русском языке стоит конверсия наречий (адverbов). Под конверсией понимается регулярная «операция изменения грамматической характеристики языкового знака» [10, с. 19]. И, хотя в качестве объектов конверсии чаще всего рассматриваются имена, факты «деадverbбиализации» тоже заслуживают внимания. Причем наиболее явно выделяются в этом плане наречия **со значением времени**: *сегодня, завтра, вчера; прежде, потом, после, сейчас, теперь; никогда, всегда, иногда, дольше, опять...* Основания для такой субстантивации временных понятий естественны: время концептуализируется в нашем сознании в виде точек (моментов) и периодов (протяженностей); а и то, и другое представляют собой некоторые сущности. Можно было бы сказать, что *вчера* — это «вчерашний день», а *завтра* — «завтрашний день». Но сводить данный тип субстантивации к универбации, как это было в случае с прилагательными, невозможно. Здесь перед нами — чистая транспозиция: выполнение словом «чужой», не свойственной его природе синтаксической функции. Неслучайно в письменном тексте такое употребление наречия часто сопровождается кавычками или шрифтовым выделением (курсивом, разрядкой, прописными буквами). Приведем литературные примеры:

Мое завтра светло. Да. Наше завтра светлее, чем наше вчера и наше сегодня. Но кто поручится, что наше послезавтра не будет хуже нашего позавчера? (Вен. Ерофеев. Москва — Петушки; выделено нами — Б.Н.).

*День блистал, переливался гранями каждого мгновения, каждого **теперь*** (Д. Гранин. Картина).

*А между прочим, на **СЕЙЧАС** надо смотреть из **ПОТОМ*** (В. Токарева. Здравствуйте).

*А музыку я оставлял на **потом**,
На позднюю молодость в доме пустом,
На позднюю молодость, на **и н о г д а**,
Где многое выключено навсегда*
(В. Соколов. Музыка).

Характерно, что такое употребление наречий с темпоральной семантикой закрепляется во фразеологизмах, пословицах и крылатых выражениях: *Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня; У завтра нет конца; Вчера не догонишь, а от завтра не уйдешь; Завтра будет лучше,*

чем вчера и т.п.). Значит, в сознании носителя языка «опредмечивание» промежутка времени — вполне естественное явление. Показательны также попытки морфологизовать такую вторичную функцию адverbа: в просторечии встречаются формы типа *к завтраму, до завтрава*. Ср. и окказиональную падежную форму у слова *сейчас*:

*И тому немало чудесных примеров на каждом шагу и со всех сторон, что лично меня вдохновляет круглые сутки, всегда и сейчас, и после **сейчас*** (Ю. Мориц. Рассказы о чудесном).

Но процессы субстантивации наречий не ограничиваются словами с темпоральной семантикой. Примеры транспозиции мы наблюдаем и среди наречий **со значением места**:

*И тогда мы отвечали ему: в таком случае вы не можете столь долго держать нас, мы требуем скорейшей выписки из вверенного вам **з д е с ь*** (С. Соколов. Школа для дураков).

*И если взглянуть на жизнь и деятельность Петра Великого из какого-то такого диковатого **извне**, то можно увидеть, что в своем сознании <...> он двигался именно в сторону абсолюта* (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским).

*Черным толем крытые бараки, расходящиеся по швам блочные пятиэтажки, <...> серебристый бюст Ленина в высокой траве — когда-то посреди главной площади, сейчас уже посреди **нигде*** (П. Вайль. Карта Родины).

*Пиши о том, что ты хорошо знаешь. Пиши о **т а м**!* (Н. Ильина. Реформатский).

Стоит вспомнить еще знаменитый афоризм В.С. Черномырдина «Здесь вам не тут!», в котором за наречиями места скрываются, как можно полагать, различные сущности.

Мы видим, что на этапе внутренней речи, при воплощении мыслительного контента в языковую форму, временные и пространственные параметры могут номинализироваться, опредмечиваться. И хотя эти процессы наталкиваются на сопротивление языкового канона, соответствующие примеры — не единичны, а потому можно говорить о адverbбиальной транспозиции как о тенденции.

Напомним также, что наречие в синтаксическом отношении — довольно специфическая часть речи. Кроме своей первичной функции (обозначать признак действия или состояния), оно представляет собой питательную базу для формирования нового лексико-грамматического класса — категории состояния (или предикативов), а также способно выступать в качестве вторичного предиката, образуя полипредикатные конструкции. Это значит, что за употребленным в тексте наречием часто скрывается целая

пропозиция, прошедшая в процессе внутренней речи через жернова компрессии. И в целом адвербы — очень мобильная в синтаксическом отношении часть речи, ср.: [11]. Что означает, например, следующая фраза из прогноза погоды: *Малооблачно и сухо ожидается в большинстве дней второй декады?* Это значит — ‘малооблачная и сухая погода ожидается...’ (или, как вариант: ‘ожидается, что будет малооблачно и сухо...’). А что означает наречие *внутри* в следующей цитате?

Вино запрещено, но почти все пьяны. Музыка сладко режет внутри (И.А. Бунин. Окаянные дни).

Наречие *внутри* обозначает некоторую внутреннюю субстанцию: душу, сердце, сознание... Оно превратилось в окказиональный субстантиват.

Еще один пример, из современного источника.

Пожалуй, и в адресате деликатности Ирочка ошиблась: разрешить ей с кавалером не возвращаться опять «в овраг», в «темно и сыро» <...> — это значило разрешить пройти мимо дома (Т. Катаева. Другой Пастернак).

Темно и сыро не случайно оказываются в одном сочинительном ряду с существительным *овраг*: перед нами опять-таки субстантиваты. Представители категории состояния стали носителями предметной семантики.

Субстантивация наречий, таким образом, затрагивает различные лексико-семантические классы адвербов: времени, места, образа действия, меры и степени и др. Это говорит о том, что и данная часть речи обладает определенной мобильностью в лингвоментальных процессах.

3. Субстантиваты, производные от предложно-падежных форм

Следующая разновидность субстантивации в русском языке охватывает предложно-падежные формы существительных. Казалось бы, при чем тут «опредмечивание» — ведь существительное, составляющее основу словоформы, и так является носителем предметной семантики? Но дело в том, что субстантивируется грамматическая форма, имеющая обстоятельственное значение — темпоральное, локальное, целевое или иное. А ее новое — предметное — значение сигнализируется препозитивным предлогом. Примеры:

*Как я хотел вернуться в до-войны
Предупредить, кого убить должны*
(А. Тарковский. Суббота, 21 июня).

Нашли чашу со святой водой — маленькую, старенькую, видимо, от «до ремонта» оставшуюся... (Е. Пунш. Мыть полы коньяком).

...Гости были вынуждены пить пробные духи козы Машки, ее лосьон для ног и жидкость для после бритья бороды, ничего другого не было... (Л. Петрушевская. Дикие животные сказки).

«Бритоголовым горцем» <...> поименовал Кайсына уже в статейке, рассчитанной на «за рубеж»: это была моя работа на вынос... (С. Рассадин. Книга прощаний).

Конечно, данные примеры хранят на себе явные следы компрессионных преобразований (ср. полные варианты: *вернуться во времена до войны; оставшуюся от жизни до ремонта; жидкость для использования после бритья; рассчитанной на отправку за рубеж*) и потому не одобряются синтаксической нормой. Но в общем ряду явлений субстантивации они симптоматичны и занимают свою нишу.

4. Отглагольные субстантиваты

Следующий, тоже редкий, подтип — субстантивация глагольных форм — требует такого искусственного, но неизбежного в данной ситуации средства, как предлог. Примеры:

Трудно быть обаятельным все двадцать четыре часа в сутки. А сверкать юмором в запаснике комиссионного за сапоги, за ужин, за позавтракать, за попить кофе? (М. Жванецкий. Птичий полет).

— *...Ну вот скажи мне, на что ты его нацеливал?*
— *На «книжку прочитать», на «в магазин сходить», на «в шахматы поиграть»...* (Э. Успенский. Старые и новые истории о Простоквашино).

СОЛОВЕЙ. ... Мы газеты выписываем не для чтения, а для завернуть или в туалет! (Н. Коляда. Землемер).

Т а т ь я н а . Сколько тебе можно говорить: ты ешь, ты спишь, надо за квартиру, надо за свет!

В а л е р а . А я что, за сню тоже платить должен? (Л. Петрушевская. Три девушки в голубом).

— *Мне нужно к завтрашнему дню сказку придумать про жили-были* (Р. Погодин. Книжка про Гришку).

Как известно, в языковой системе заложена возможность номинализации ситуации через образование отглагольного имени: *прочитать книжку* → *(про)чтение книжки, сходить в магазин* → *поход в магазин, поиграть в шахматы* → *игра в шахматы* и т.п. У номинализации (*прочитать* → *прочтение*) и у субстантивации (*учительская комната* → *учительская*) есть, с точки зрения психолингвистики, важная общая черта: оба эти процесса внутренней речи открывают для говорящего возможность построения полипредикативного высказывания. Представим себе цепочку мысленных преобразований в духе концепции «чистой предикативности» Л.С. Выготского [12, с. 341–343]: *Эта комната — для учителей*

(учительская) → *Учительская (комната) находится на втором этаже* → *Учительская находится на втором этаже*. Мы видим, что поэтапная «упаковка» пропозиции до степени субстантивата «развязывает руки» говорящему для формирования новой предикатной структуры.

И в случаях типа *за позавтракать* или *для вернуть* у говорящего также была возможность воспользоваться операцией номинализации. Однако он избегает такой стандартной трансформации: девербатив кажется ему слишком официальным, «казенным» средством, и он предпочитает ему окказиональную конструкцию. Казалось бы, и «поправить» ее тоже легко — достаточно ввести подчинительный союз: *за то, чтобы; на то, чтобы; для того, чтобы*. Но спонтанная разговорная речь подчиняется своим законам, такая окказиональная субстантивация несет на себе сильную стилистическую окраску, в том числе, возможно, — просторечную или диалектную. И.А. Мельчук в своей статье о конверсии упоминает о принципиальном запрете, налагаемом в русском языке на сочетания «предлог + глагольная форма» [10, с. 21], но там же признает, что в других языках подобные факты возможны. Нельзя исключить, что и появление окказиональных отглагольных субстантиватов в русских текстах поддерживается иноязычным влиянием. В частности, словосочетания типа *за попить кофе* можно считать «одессизмами» (под влиянием идиш), ср. у И. Бабея: *Он думает об выпить хорошую стопку водки...*

5. Субстантивация междометий и служебных слов

Наконец, отдельный тип интересующего нас явления — это окказиональное опредмечивание самых разных словоформ — междометий, служебных слов, местоимений и т.д., а также целых выражений. Фактически в основе данной разновидности субстантивации лежит цитация: в текст высказывания вкрапляется элемент другого высказывания. Примеры:

— *У нас построили массу многоквартирных домов. Это прекрасно и даже «ура», но однако тем не менее с мусором у нас нелады* (Е. Попов. Снегурочка).

Она выслушивала теплые слова и широко улыбалась. А посол не улыбался широко. Чуть-чуть... У него характер такой. Народу было много, человек сто. И каждому досталось от ее широкой улыбки и от его чуть-чуть (В. Токарева. Банкетный зал).

«Сообщите, болен ли Елисей, или что еще». Ответа не последовало, но по «агентурным» сведениям оказалось роковое и безысходное «что еще» (Я.Л. Рапопорт. На рубеже двух эпох).

Родители бы обязательно сунули свои раскаленные кирпичи ей в дверь и орал бы в два хайла. Такие люди. Но этих «бы» произойти не должно было, он остался, и всё затихло (Л. Петрушевская. Три лица).

Как бороться с этим? Ну хотя бы так: истребить всё «под» и всё «над». Загнать всё внутрь, и пыли меньше, и глазу легче (Н. Ильина. Реформатский).

Так и Ф. Сологуб в 1910-е годы раздваивался на инертные стихии-спустя-рукава и на футуристические перемены Рембо (М.Л. Гаспаров. Записи и выписки).

Последний пример может послужить переходом к теме сращений, или слияний, — «патологического» для русского языка способа словообразования, напоминающего экзотические инкорпорирующие конструкции. Речь идет о примерах типа *Он был в состоянии «ничего не понимаю»* [13, с. 124–129]; [14, с. 150]; [15, с. 333]; [16, с. 340–341]; [17, с. 240–253]; [18] и др. Подобные образования, встречающиеся в письменных текстах, пользуются сегодня особой популярностью в интернете — речь идет о конструкциях с «решеткой» (хештегом), типа #*яжемать*, #*жизнь-прекрасна*, #*инстаграмнедели* и т.п. Единицы данного типа могут быть получены как с применением дефиса, так и без его участия, путем чистого слияния.

Впрочем, тема субстантивации имеет выходы на многие смежные проблемы — грамматические, словообразовательные и стилистические. В качестве субстантивата, как известно, может выступать даже полноценное высказывание — это тоже происходит в рамках механизма цитации. Один пример:

Мало что могло по-настоящему вывести его из себя, но упрек в упрямстве с упоминанием Горбатова при неизменном бабушкином «я тебе говорила» доводил его до белого каления (П. Санаев. Похороните меня за плинтусом).

Показательным, с нашей точки зрения, является также стремление языкового коллектива лексикализировать окказиональный субстантиват, кодифицировать его в составе устойчивых словосочетаний: *откладывать на завтра, с точностью до наоборот, через не могу, выпить по чуть-чуть, взвесить все «за» и «против», полагаться на авось, проехаться за бесплатно, сбывать за недешево* и т.п. В некоторых случаях окказионализм пытается даже приобрести словоизменительную парадигму, хотя обычно это остается в рамках языковой игры. Кроме уже приводившегося примера с *после сейчаса*, покажем это на других цитатах:

— *Спасибо тебе, что старика не обездолила. Но спасибом сыт не будешь... Вот ключ, отпри-ка и выдвинь верхний ящик* (И.И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие).

Маргарита провожала глазами шестые, прислушиваясь к тому, как затихает вдали унылый турецкий

барабан, выделяющий одно и то же «бумс, бумс, бумс», и думала: «Какие странные похороны... и какая тоска от этого *«бумса»!*» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

[Кот] целыми днями сидел около него и говорил:
— Кто там? Кто там? Кто там?
...Шарик с котом согласился и тоже стал учить галочка *«кто таму»* (Э. Успенский. Старые и новые истории о Простоквашино).

Я большая-большая куча своих *пожалуйста* —
Подожгу их и маяком освещу пути
(В. Полозкова. Что-то клинит в одной из схем).

Разумеется, данный тип субстантивации занимает маргинальное положение в системе транспозиции речевых средств русского языка. Но он по-своему обогащает картину тех лексико-грамматических процессов, которые протекают во внутренней речи.

6. Формальные средства субстантивации

Подытоживая материал, напомним, что в процессе формирования высказывания соперничают и сотрудничают две основные тенденции: к предикации и к номинализации. Субстантивация вроде бы воплощает в себе вторую из них. Однако выбор номинаций происходит с учетом ряда факторов — собственно структурных, дискурсивно-стилистических и прагматических. Для разных лексико-грамматических классов слов процесс превращения в существительное происходит по-разному. Тем самым, как мы видим, термин *субстантивация* покрывает собой весьма разные случаи транспозиции, в основе которых лежат такие механизмы внутренней речи, как универбация, конверсия, компрессия, эллипсис, цитация. В результате языковая система пополняется или новыми лексическими единицами, или грамматическими формами в нестандартных функциях; существенна при этом и появляющаяся экспрессивная окраска (стилистическая коннотация).

Остается выяснить, какие же языковые средства используются языковым коллективом в качестве инструментов субстантивации (кроме, разумеется, производящих основ — представитель исходных частей речи).

Как показывает материал, важнейшими инструментами и формальными проявлениями субстантивации в русском языке являются следующие (все примеры — из реальных письменных источников):

а) управление со стороны глагола (незаполненная валентность): *приехать на мало; предупредить дѡма; жить с молодежь себя; слушать окрест; арестовывать налево и направо; полагаться на рацию;*

б) сочетаемость с предлогом: *помню с до войны; считая с на водку; откладывать на после отпуска; обиделся за не знаю что; за деньги или за так; собака плавает в нигде; время на подумать; как насчет погасить задолженность; экипаж для покатайся с ветерком;*

в) возможность определения прилагательным или согласуемым местоимением: *это повторяющееся «опять»; необходимость каждодневного идти на службу; целое после обеда; ее предсмертное плохо; на свой солдатский натошак; по самое не могу; русский авось; его чуть-чуть; робкое «Когда ты зайдешь?»* и т.п.

В письменном тексте характерным инструментом субстантивации является помещение слова или целого выражения в кавычки или его шрифтовое выделение: *его «вдруг» стало реальным; напоминание о «сквозь строе», привыкнуть к этому «всегочегонипожелаю», палочка «из-беды-выручалочка», это резкое никогда* и т.п. Неслучайно подобные образования получают наименование «голофрастических»: заключенная в кавычки или иным образом выделенная речевая цепочка выполняет роль целого коммуниката.

Судя по описанному материалу, производящая лексическая основа не обязана содержать в себе какую-то предметную сему. Предметность «навязывается» строем всей фразы, она привносится в процессе номинализации и субстантивации. Строго говоря, пределов для окказиональной субстантивации нет, есть только относительная частота использования разных типов. Художественные и публицистические тексты, конечно, — удобный полигон для экспериментальных расширений синтаксических функций словоформы, потому что там окказиональная субстантивация обещает дополнительный эстетический эффект. Но стандартные ее типы — в частности, отадъективный — совершенно естественное явление, наблюдаемое и в повседневной разговорной речи. Приведем несколько реплик одного и того же информанта из опубликованного сборника записей устной речи:

У меня просто не возьмут в *театральный* документы (пауза) пока я не вылечу горло...

Ну вот когда... когда кончают школу всегда медосмотр бывает // Я пошла к *ухо-горло-носу*...

Они точно не определили *чтоб* / но они нашли что здесь что-то *такое*...

А теперь куда-нибудь в *технический*... [19, с. 216—217].

Активизировавшееся в XX веке внимание к фактам реальной речи (т.е. некоторый «сдвиг» от нормативного языкознания в сторону описательного), а также становление психолингвистики как отдельной научной дисциплины объясняют и то место,

которое занимают в сегодняшних исследованиях такие явления, как номинализация, транспозиция, субстантивация. Процесс преобразования мысли в речь (а в грамматике слушающего — путь от текста к его смыслу) нуждается в новых наблюдениях и детальных комментариях. Рассмотренные выше факты позволяют быть спроецированными на определенные лингвоментальные процессы, протекающие в сознании носителя языка.

7. Выводы

Под термин и понятие *субстантивация* подводятся в русском языке по крайней мере 5 разнородных типов морфолого-синтаксических явлений, со своими механизмами, заложенными в правилах внутренней речи — такими как универбация, конверсия, компрессия, эллипсис, цитация. Говорящего подталкивает к употреблению субстантиватов стремление к экономии речевых усилий и к повышению экспрессивности речи. Но предпосылкой для этого должно быть ощущение достаточной речевой свободы и учет дискурсивных условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Есперсен О.* Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. 404 с.
2. *Русский язык: Энциклопедия* / Под общ. ред. А.М. Молдована. 3-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 904 с.
3. *Лопатин В.В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // *Русский язык: Грамматические исследования*. М.: Наука, 1967. С. 205–233.
4. *Кушникова Л.В.* Транспозиция как речевой прием // *Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование: сб. научн. тр.* М.: АН СССР, 1989. С. 120–125.
5. *Редькина О.В.* Субстантивация как семантическое явление (языковой и функциональный аспекты) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Н. Новгород, 2003. 22 с.
6. *Высоцкая И.В.* Субстантивация в свете теории синхронной переходности. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т, 2009. 189 с.
7. *Гелегаева А.Р.* К вопросу о субстантивации как способе синхронного словообразования // *Вестник Дагестанского государственного университета*. 2013. Вып. 3. С. 139–144.
8. *Lenertová G.* Синкретизм частей речи: субстантивация имен прилагательных (в сопоставлении русского и чешского языков // *Przegląd Rusycystyczny*. 2017. Nr. 3 (159). S. 114–131.

9. *Аверьянова В.В.* Субстантивация прилагательных и причастий: семантический аспект // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2019. № 4 (115). С. 55–61.
10. *Мельчук И.А.* Конверсия как морфологическое средство // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1973. Т. XXXII. Вып. 1. С. 15–28.
11. *Петрова Н.Е.* Речевая динамика наречия // *Русский язык в школе*. 2014. № 1. С. 62–66.
12. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика, 1982. С. 5–361.
13. *Шведова Н.Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. М.: Просвещение, 1966. 156 с.
14. *Петрухина Е.В.* Актуальные вопросы системного словообразования // *Славистика: синхрония и диахрония: сб. ст. к 70-летию И.С. Улуханова* / Ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2006. С. 143–153.
15. *Николина Н.А.* Новые тенденции в передаче и оформлении чужой речи в современной прозе // *Русская словесность в контексте мировой культуры / Материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2007. С. 332–336.*
16. *Копнина Г.А.* Риторические приемы современного русского литературного языка. Опыт системного описания. М.: Флинта—Наука, 2009. 576 с.
17. *Норман Б.Ю.* Словообразовательные сращения в русском языке с точки зрения общелингвистической теории // *Язык: поиски, факты, гипотезы: сб. ст. к 100-летию Н.Ю. Шведовой* / Отв. ред. М.В. Ляпон. М.: ЛЕКСПУС, 2016. С. 238–255.
18. *Саакян Л., Северская О.* Биномы и голофрастические сращения в поэтической и обыденной речи: системные характеристики и стилистические возможности // *Stylistyka XXVI*. Opole, 2017. С. 125–138.
19. *Русская разговорная речь. Тексты* / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М.: Наука, 1978. 307 с.

REFERENCES

1. Espersen, O. *Filosofija grammatiki* [The Philosophy of Grammar]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoj literatury Publ., 1958. 404 p. (In Russ.)
2. Moldovan, A.M. (Ed.). *Russkij jazyk: Enciklopedija* [Russian Language. Encyclopedia]. 3rd ed. Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020. 904 p. (In Russ.)
3. Lopatin, V.V. *Substantivacija kak sposob slovoobrazovanija v sovremennom russkom jazyke* [Substantivization as a Way of Word Formation in Modern Russian]. *Russkij jazyk: Grammaticheskie issledovanija* [Russian Language: Grammatical Studies]. Moscow: Nauka Publ., 1967, pp. 205–233. (In Russ.)

4. Kushnina, L.V. *Transpozicija kak rechevoj priem* [Transposition as a Speech Method]. *Rechevye priemy i oshibki: tipologija, derivacija i funkcionirovanie. Sbornik nauchneh trudov* [Speech Techniques and Errors: Typology, Derivation and Functioning]. Moscow: AN SSSR Publ., 1989, pp. 120–125. (In Russ.)
5. Redjkina, O.V. *Substantivacija kak semanticheskoe javlenie (jazykovej i funkcionalnyj aspekt)* [Substantivization as a Semantic Phenomenon (Linguistic and Functional Aspects)]. *Avtoref. dis. ... kandidata filologicheskikh nauk. 10.02.01* [Abstract of the Dissertation. ... Candidate of Philological Sciences. Specialty 10.02.01]. Nizhniy Novgorod, 2003. 22 p. (In Russ.)
6. Vysotskaya, I.V. *Substantivacija v svete teorii sinhronnoj perehodnosti* [Substantivization in the Light of the Theory of Synchronous Transitivity]. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2009. 189 p. (In Russ.)
7. Gelegaeva, A.R. *K voprosu o substantivacii kak sposobe sinhronnogo slovoobrazovanija* [To the Question of Substantivization as a Way of Synchronous Word Formation]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Dagestan State University]. 2013, Issue 3, pp. 139–144. (In Russ.)
8. Lenertová, G. *Sinkretizm chastej rechi: substantivacija imen prilagatel'nyh (v sopostavlenii russkogo i cheshskogo jazykov)* [Syncretism of Parts of Speech: Substantivization of Adjectives (in Comparison of Russian and Czech Languages)]. *Przegląd Rusycystyczny*. 2017, No. 3 (159), pp. 114–131. (In Russ.)
9. Averjanova, V.V. *Substantivacija prilagatelnyh i prichastij: semanticheskij aspekt* [Substantivization of Adjectives and Participles: Semantic Aspect]. *Izvestija Gomelskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [Bulletin of the Gomel State University named after F. Skorina]. 2019, No. 4 (115), pp. 55–61. (In Russ.)
10. Melchuk, I.A. *Konversija kak morfologicheskoe sredstvo* [Conversion as a Morphological Tool]. *Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR: Studies in Literature and Language]. 1973, Vol. 23, No. 1, pp. 15–28. (In Russ.)
11. Petrova, N.E. *Rechevaja dinamika narechija* [Speech Dynamics of the Adverb]. *Russkij jazyk v shkole* [Russian Language at School]. 2014, No. 1, pp. 62–66. (In Russ.)
12. Vygotskiy, L.S. *Myshlenie i rech* [Thinking and Speech]. Vygotskiy, L.S. *Sobranie sochinenij. T. 2. Problemy obshhej psichologii* [Collected Works. Vol. 2. Problems of General Psychology]. Moscow: Pedagogika Publ., 1982, pp. 5–361. (In Russ.)
13. Shvedova, N.Ju. *Aktivnye processy v sovremennom russkom sintaksise* [Active Processes in Modern Russian Syntax]. Moscow: Prosveshhenie Publ., 1966. 156 p. (In Russ.)
14. Petruhina, E.V. *Aktualnye voprosy sistemnogo slovoobrazovanija* [Topical Issues of Systemic Word Formation]. Krysko, V.B. (Ed.). *Slavistika: sinhronija i diahronija. Sbornik statej k 70-letiju I.S. Uluhanova* [Slavistics: Synchrony and Diachrony. Collection of Articles on the 70th Anniversary of I.S. Ulukhanov]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2006, pp. 143–153. (In Russ.)
15. Nikolina, N.A. *Novye tendencii v peredache i oformlenii chuzhoj rechi v sovremennoj proze* [New Trends in the Transmission and Design of Someone Else's Speech in Modern Prose]. *Russkaja slovesnost v kontekste mirovoj kultury. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii ROPRJaL* [Russian Literature in the Context of World Culture. Materials of the International Scientific Conference ROPRYAL]. Nizhniy Novgorod: Izdatelstvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2007, pp. 332–336. (In Russ.)
16. Kopnina, G.A. *Ritoricheskie priemy sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. Opyt sistemnogo opisanija* [Rhetorical Methods of the Modern Russian Literary Language. Experience of the System Description]. Moscow: Flinta–Nauka Publ., 2009. 576 p. (In Russ.)
17. Norman, B.Ju. *Slovoobrazovatelnye srashhenija v russkom jazyke s tochki zrenija obshhelingvisticheskoy teorii* [Word-Building Fusions in Russian from the Point of View of General Linguistic Theory]. Ljapon, M.V. (Ed.). *Jazyk: poiski, fakty, gipotezy. Sbornik statej k 100-letiju N.Ju. Shvedovoj* [Language: Searches, Facts, Hypotheses. Collection of Articles on the 100th Anniversary of N.Y. Shvedova]. Moscow: LEKSRUS Publ., 2016, pp. 238–255. (In Russ.)
18. Saakyan, L., Severskaya, O. *Binomy i golofrasticheskie srashhenija v pojeticheskoy i obydennoj rechi: sistemnye harakteristiki i stilisticheskie vozmozhnosti* [Binomials and Holophrastic Fusions in Poetic and Everyday Speech: System Characteristics and Stylistic Possibilities]. *Stylistyka XXVI* [Stylistics 26]. Opole, 2017, pp. 125–138. (In Russ.)
19. Zemskaya, E.A., Kapanadze, L.A. (Eds.). *Russkaja razgovornaja rech. Teksty* [Russian Colloquial Speech. Texts]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 307 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 31 июля 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 августа 2023 г.

Статья принята к публикации: 7 октября 2024 г.

Дата публикации: 28 февраля 2025 г.

Received by Editor on July 31, 2023

Revised on August 27, 2023

Accepted on October 7, 2024

Date of publication: February 28, 2025